

Официальные партнеры мероприятия

Научный круглый стол
**«ДОПУСТИМЫ ЛИ АБСОЛЮТНАЯ ЗАЩИТА
И ПРОТИВОПОСТАВИМОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ?»**

Москва, 22 сентября 2014 года (19.00-21.15)

Общее описание проблемы:

Нередко стороны, вступая в договорные отношения, фиксируют в контракте негативные обязательства не совершать те или иные сделки с третьими лицами. Такие условия встречаются в дистрибьюторских и агентских договорах, договорах франчайзинга, в которых предусматриваются эксклюзивность или запреты на конкуренцию. Такие условия включаются нередко в финансовые сделки в форме ковенантов, принимаемых на себя заемщиком. Нередко такие договорные запреты включаются в соглашения акционеров или соглашения участников ООО, в которых одна из сторон обещает не приобретать или не продавать акции общества. Запреты на предоставление имущества в последующий залог встречаются в договорах залога. Наконец, некоторые договоры запрещают кредитору уступку прав из договора третьим лицам. С появлением летом 2014 года в новом ГК норм о возможности перевода долга без согласия должника (п.1 ст.391 ГК) с последующей суброгацией к новому должнику, исполнившему обязательство, прав кредитора, в обороте могут появиться договорные запреты на подобного рода переводы долга.

В подобного рода ситуациях возникает один общий вопрос о том, как должны защищаться права из таких обязательств. Может ли контрагент, пострадавший в связи с нарушением другой стороной подобных договорных запретов, требовать лишь привлечения последнего к ответственности в форме взыскания убытков (неустойки)? Или в арсенале его средств защиты может иметься и возможность противопоставить данный договорный запрет третьему лицу, чье вступление в договор с его контрагентом и спровоцировало нарушение данного запрета? Очевидно, что такое противопоставление если и возможно, то только в отношении недобросовестного третьего лица, то есть при условии, что это третье лицо знало или должно было знать о наличии такого договорного запрета. Соответственно, вопрос следует поставить так: может ли контрагент, пострадавший от нарушения договорного запрета, предъявить в связи с этим иск к недобросовестному третьему лицу, осознанно вторгшемуся в договорные отношения?

Если да, то о каком иске может идти речь? Здесь мыслимы и встречаются в зарубежных правовых порядках два варианта. Согласно первому это может быть деликтный иск о взыскании убытков с «интервента». В английском и американском праве этот деликт признается и имеет название *tortious interference with contract*. Аналогичный институт деликтного права с теми или иными особенностями и с большей или меньшей интенсивностью применяется во французском, голландском, немецком праве и праве многих других континентально-европейских стран.¹ Тут мы имеем вариант своего рода компенсационной

¹ Применительно к англо-американскому режиму данного иска см.: Fine B.L. Note, An Analysis of the Formation of Property Rights Underlying Tortious Interference with Contracts and Other Economic Relations.// 50 University of Chicago Law Review. 1983. P.1116ff; McChesney F.S. Tortious Interference with Contract Versus "Efficient" Breach: Theory and Empirical Evidence.// 28 Journal of Legal Studies. 1999. P.131ff; Perlman H.S. Interference with Contract and Other Economic Expectancies: A Clash of Tort and Contract Doctrine.// 49 University of Chicago Law Review. 1982. P.61ff; BeVier L.R. Reconsidering Inducement.// 76 Virginia Law Review. 1990.P. 877ff; Epstein R.A. Inducement of Breach of Contract as a Problem of Ostensible Ownership.// 16 Journal of Legal Studies. 1987. P.1ff; Landes W.M. & Posner R.A. Joint and Multiple Tortfeasors: An Economic Analysis.// 9 Journal of Legal Studies. 1980.P.517ff. Историю развития данного деликта в общем праве см.: Varadarajan D. Tortious Interference and the Law of Contract: The Case for Specific Performance Revisited.//

противопоставимости договорных прав. В силу же второго, более радикального варианта речь может идти о признании сделки, совершенной в нарушение договорного запрета, недействительной.

В принципе, аналогичная проблема возникает и в ситуации, когда должник по договору совершает сделку, непосредственно влекущую нарушение позитивного обязательства. Классический здесь пример – это ситуация двойной продажи, когда продавец в нарушение взятого на себя обязательства произвести отчуждение вещи (например, недвижимости) в пользу покупателя передает право собственности на вещь третьему лицу, предложившему более высокую цену. Может ли первый покупатель помимо очевидного права требовать взыскания убытков с продавца иметь право и на оспаривание второй купли при условии, что будет доказано знание вторым покупателем о наличии первого договора и его очевидная недобросовестность? В ряде стран встречается еще и другой вариант решения этого казуса – иск о принудительном выкупе недвижимости у второго покупателя в пользу первого по цене и условиям первого договора.²

Насколько справедливо и эффективно допускать привлечение такого недобросовестного интервента, осознанно спровоцировавшего нарушение должником своего договорного обязательства или, как минимум, соучаствовавшего ему, к деликтной ответственности или аннулирование заключенной должником с ним сделки? С точки зрения распространенных у нас представлений о догматике обязательственного права это выглядит несколько экзотично, так как будет по сути представлять собой допущение абсолютной (против всех третьих лиц) защиты прав из обязательственных, то есть относительных правоотношений. Но догматика сама по себе мало что значит, если не подкрепляется серьезными политико-правовыми резонами. Вопрос состоит соответственно в том, существуют ли весомые причины допускать противопоставимость договорных прав и защиту их от вмешательства недобросовестных третьих лиц.

При этом вопрос этот носит не теоретический, а вполне актуальный характер. Ведь возможность выведения деликтного иска к интервенту существует и в рамках нынешнего ГК РФ. Российское гражданское право использует широкое определение деликта. Кроме того, новая редакция статьи 10 ГК прямо допускает взыскание убытков за злоупотребление правом. Но самое интересное другое. Наш закон знает не один случай прямого признания возможности оспаривания сделок, совершенных в нарушение договорных обязательств одной из сторон. Так, с 1 июля 2014 года после вступления в силу новой редакции Главы 24 ГК оспаривание сделки цессии, совершенной в нарушение договорного запрета на уступку, было законодательно признано. Такая возможность признается за исключением уступки денежных требований, вытекающих из сугубо коммерческих договоров для случаев, когда цессионарий знал или должен был знать о наличии договорного запрета на уступку в договоре между cedentом и должником (см.: п.2 ст.382 и п.3 ст.388 ГК). Другой пример законодательного признания оспаривания сделок «интервента» с должником это норма п.4 ст.32.1 Закона об акционерных обществах, согласно которой «договор, заключенный стороной

---

111 Yale Law Journal. 2001. P.742. В ряде европейских стран по общему правилу достаточным считается доказанное знание «интервента» о том, что его взаимодействие с должником провоцирует и непосредственно влечет нарушение им своих договорных обязательств перед кредитором. Соответственно, в таких странах сфера применения такого иска здесь достаточно широка. В некоторых других странах для успеха такого деликтного иска нужно доказать нечто большее с точки зрения предосудительности поведения «интервента» (умысел на причинение ущерба кредиторам, противоречие поведения «интервента» основам правопорядка или нравственности и т.п.). В таких странах такой иск допустим только в самых радикальных ситуациях. В ряде же других стран критерии применения этого в целом признаваемого в теории иска не вполне прояснены. Более подробный анализ европейского опыта см.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Edited by C. von Bar and E. Clive. 2009. P.3257ff; van Boom W.H. Pure Economic Loss: A Comparative Perspective./ van Boom W.H., Koziol H. and Witting C.A. Pure Economic Loss. 2004. P.16ff; Bussani M. & Palmer V.V. Pure Economic Loss in Europe. 2003. P.362ff; von Bar C., Drobniг U. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe: A Comparative Study. 2004. P.211ff; Eulau P.H. Inducing Breach of Contract: A Comparison of the Laws of the United States, France, the Federal Republic of Germany and Switzerland.// 2 B.C. Int'l & Comp. L. Rev. 1978. P.41ff. В отношении относительно сдержанного подхода немецкого права, допускающего такой иск только в случае противоречия поведения интервента добрым нравам и публичному порядку, см.: Spindler G. & Rieckers O. Tort Law in Germany. 2011. P.69ff. В отношении более комплиментарного подхода к данному иску во французском праве см.: Palmer V.V. A Comparative Study (from a Common Law Perspective) of the French Action for Wrongful Interference with Contract.// 40 American Journal of Comparative Law. 1992. P.297ff. В результате обобщения европейского опыта европейскими цивилистами была выработана редакция ст.6.-2:211 Проекта общей системы координат европейского частного права (DCFR), согласно которой такой деликтный иск в целом признается допустимым, но его удовлетворение обуславливается тем, что интервент имел умысел на нарушение должником своего обязательства перед неким кредитором (а не просто пренебрегал возможными побочными негативными последствиями своей сделки в отношении договорных прав третьих лиц) и при этом он не действовал во имя своих собственных легитимных интересов.

² Текст недавнего решения Верховного Суда Австрии см. здесь: <http://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord?id=1306>. Обсуждение решения см. здесь:

http://zakon.ru/Blogs/One/11445?entryName=absolyutnaya_zashhita_obyazatelstvennykh_prav_vozmozhna_li

акционерного соглашения в нарушение акционерного соглашения, может быть признан судом недействительным по иску заинтересованной стороны акционерного соглашения только в случаях, если будет доказано, что другая сторона по договору знала или заведомо должна была знать об ограничениях, предусмотренных акционерным соглашением».

Являются ли эти примеры исключениями из общего подразумеваемого правила непротивопоставимости договорных прав? Или они должны рассматриваться как отраженные в законе примеры вполне оправданного имплицитного общего правила, допускающего оспаривание сделки, совершенной одной из ее сторон в нарушение своих обязательств? Нормативное основание для такого шага может строиться на применении п.4 ст.1 ГК (недопустимость извлечения выгоды из своего недобросовестного поведения) и ст.10 в сочетании со ст.168 ГК. Но есть ли для такой интерпретации политико-правовые резоны?

В рамках данного круглого стола предлагается обсудить проблему противопоставимости договорных прав и судьбы сделок, совершенных в нарушение договорных обязательств.

Участники обсуждения:

В обсуждении планируется участие следующих спикеров: **В.В. Байбак** - к.ю.н., адвокат Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»; **М.А. Церковников** - советник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики по делам об экономических спорах Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации; **А.М. Ширвиндт** – к.ю.н., ассистент кафедры гражданского права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **М.Л. Башкатов** – преподаватель кафедры гражданского права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносов, ответственный редактор журнала «Вестник гражданского права»; **Н.Б. Щербаков** – преподаватель кафедры гражданского права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

К обсуждению приглашаются представители судейского сообщества и других органов государственной власти, ученые-цивилисты, адвокаты, корпоративные юристы, студенты и другие интересующиеся данной проблематикой юристы.

*****

Место и время проведения:

Научный круглый стол пройдет 22 сентября 2014 года с 19.00 до 21.15 в конференц-зале «Ярославль» гостиницы «Золотое кольцо» по адресу: Москва, Смоленская улица, д.5 (5 минут пешком от ст.м. Смоленская). Карту проезда см. [здесь](#)

Регистрация участия и другие организационные вопросы:

Участие в круглом столе бесплатно.

Для участия в круглом столе необходимо зарегистрироваться [здесь](#).

***

Для получения регулярных оповещений о проводимых Юридическим институтом «М-Логос» открытых научных мероприятиях и актуальных новостях частного права предлагаем осуществить подписку на получение ежемесячного Дайджеста новостей российского и зарубежного частного права по адресу <http://www.m-logos.ru/publications/digest/>

Контакты:

Юридический институт «М-Логос»

<http://www.m-logos.ru>

Ответственный за проведение круглых столов менеджер – Светлана Паладий

conf@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 772-91-97, +7 (495) 771-59-27